

Елена Соколова

11 класс, МУ ДО «Малая академия», средняя общеобразовательная школа №2 им. Галины Бущик, город Краснодар

Рецензия на спектакль «Победа. Реквием»,

Театр Музыки и Поэзии п/р Елены Камбуровой (г. Москва)

режиссер Иван Поповски

Вот уже почти тридцать лет московский Театр Музыки и Поэзии Елены Камбуровой гостеприимно открывает свои двери для зрителя, и с его сцены звучат «стихи, окрыленные музыкой».

В творческом трио режиссер-постановщик, лауреат нескольких театральных премий Иван Павлович Поповски, художественный руководитель театра, народная артистка России Елена Антоновна Камбунова и музыкальный руководитель театра, заслуженный артист России Олег Игоревич Синкин создали удивительный и проникновенный спектакль «Победа. Реквием», премьера которого состоялась 11 мая 2015 года. Это не первая совместная работа трех гениев (да, не побоюсь этого слова): Е.А. Камбунова, О.И. Синкин и И.П. Поповски много лет творят вместе, ими сделан ряд прекрасных постановок: «P.S. Грезы», «Абсент», «Времена... Года...» и другие.

Идея спектакля «Победа. Реквием», как сказано на сайте театра, принадлежит одной из ведущих актрис – Надежде Гулицкой.

По замыслу авторов, на сцене появляются **только женщины**. Это блестящий актерский состав: Елена Камбунова, Елена Веремеенко, Надежда Гулицкая, Юлия Зыбцева, Анна Комова, Евгения Курова, Алена Парфенова, Виктория Тихомирова, Татьяна Пыхонина, Галина Войниченко, Анна Леванова. Песни и романсы предвоенных, военных и послевоенных лет они исполняют в сопровождении камерного ансамбля, в котором тоже только

женщины-музыканты: скрипка – Татьяна Масленникова, Лада Морозова, Юлия Плисковская; виолончель – Елена Слободчикова, флейта – Наталия Абрамова. Этот «надежды маленький оркестрик» во время всего действия не меняет своего расположения: музыканты сидят на высоком балконе, и мелодия, льющаяся сверху, кажется еще более чистой и светлой – как мирное небо, как не закрытое тучами солнце...

Сильное впечатление на зрителя оказывает голос единственного в спектакле мужчины – Дмитрия Куличкова. Мы не видим актера, лишь слышим в записи произносимые им строки из подлинных писем фронтовиков. Его голос по силе воздействия на слушателя подобен голосу легендарного диктора Ю.Б. Левитана. Только читает актер не сводки Совинформбюро, а глубоко личные послания солдат домой, к любимым.

Спектакль «Победа. Реквием» – это история Великой Отечественной войны, изложенная от лица женщин. Матерей, жен и тех, кто так и не успел ими стать, – юных девушек, проводивших любимых на фронт. Невест, «до замужества ставших вдовами»... Нет, они не рассказывают о пережитом – они поют, и эти песни сливаются в единственный и неповторимый голос.

Слово «реквием» происходит от латинского *requies* – «покой», «упокоение». Весь спектакль звучит как поминовение погибших в годы Великой Отечественной войны. Но в то же время это и глубокая благодарность Победителям. Отсюда, на мой взгляд, и выбранное постановщиками название.

«Перелистаем» вместе эпизоды спектакля, как страницы драгоценной книги...

На высоком балконе, точно у самого неба, неторопливо движутся тонкие девичьи силуэты. Они точно бродят по «высокому и крутому» берегу в вечер прощания. В лучах разгорающегося рассвета чувствуется безмятежное тепло лета. Совсем юные, в легких и пестрых платьях, девушки

поют трепетными птичьими голосами «Вечер на рейде» (В. Соловьев-Седой, А. Чуркин). Еще не покинули тихие заводы корабли, но прощание близко. Поющие будто стоят у перил причала, провожая своих любимых в «предраассветный туман». Их голоса становятся печальнее: звучит песня «Заветный камень» (Б.Мокроусов, А. Жаров). «Последний матрос Севастополь покинул», они остаются на берегу одни – глядеть в туманную даль горизонта, туда, куда уплывают те, кого они любят. Многоголосье звучит с тревогой, но в нем отражается бесконечная нежность. Каждая из девушек верит, что тот, кого она проводила, «первым в любимую бухту вернется». Строки «Катюши» (М. Блантер, М. Исаковский) звучат продолжением общей картины. Глядя в даль, затянутую призрачной дымкой, девушки будто вспоминают туман, в который ушли корабли. Высокие и чистые голоса наполнены тоской. Каждая из поющих воплощает собой образ Катюши.

Опускается ночь. В полумраке, точно освещенная дрожащим огнем свечи, актриса поет «Колыбельную» (М. Блантер, А. Коваленков). «Твой отец далеко, в том краю, где не мамы, а пули поют...» Голос молодой женщины полон горечи, плачем звучит вокализ, рыдают скрипка и флейта. «Спи, мой хороший, забавный», - успокаивает малыша мать. Ее высокий голос полон нежности, но в нем звучит неутрачиваемая тревога.

Трепетные, плачущие голоса растворяются в темноте, словно замолкают перед грозой пугливые птицы. Девушки исчезают. Звучит мучительный звук сирены – такой непохожий на пение матери. Нечеткая, зыбкая картина в холодной полутьме сменяется кромешным мраком, точно мы видим мир глазами испуганного ребенка, который надеется, что стоит ему несколько раз моргнуть, как кошмар исчезнет. Всё это – лишь страшный сон, да, мама?

Что-то мерно стучит в полной темноте... То ли отбивает свои последние удары сердце солдата, то ли разрывают воздух выстрелы «в том далеком краю, где мамы не поют». Солдаты – всё те же мальчики – не

слышат песен своих матерей. Для них звучит *своя* колыбельная. Стенающий, как истерзанная душа, голос Елены Антоновны Камбуровой звучит тяжело и гулко. «Спите себе, братцы, всё придет опять...» Это «Старинная солдатская песня» Б. Окуджавы.

Вновь вспыхивает свет, и дальше спектакль продолжается «на земле». Плачем поднимается ввысь девичье многоголосье. Из поднебесья звучит лишь оркестр. Девушки исполняют «Воспоминание Лизы» – вокализ из оперы К. Молчанова «А зори здесь тихие». Слова становятся излишними, ведь горе, на каком бы ты ни говорил языке, одинаково разрывает сердце.

Из темноты проступают очертания белых платьев: невесты сидят за длинным столом, покрытым белой же скатертью. Здесь проявляется талант художника по костюмам Нины Климовской: все платья по-разному смоделированы, одни – пышные, другие – облегающие тонкую фигурку, у одних девушек на голове традиционная фата, у других – венок, у иных – модная белая шляпка. Они такие разные, эти невесты, но все они – за общим свадебным столом, и нет рядом с ними тех, кого они любят и ждут. Девушки вспоминают, как расставались со своими любимыми, как уходили юноши в «горькие рябины». Звучит песня «Рябины» В. Гаврилина и А. Шульгиной из цикла «Военные письма».

Военные письма? Да. И вот – одно из них: откуда-то из поднебесья доносится мужской голос. Невесты, читая последнее письмо с фронта, будто вспоминают: каждая – своего любимого. Это голос, который они уже никогда не смогут услышать...

Тревожно, словно бьется сердце или стучит по рельсам уходящий на войну поезд, звенит треугольник в руках одной из невест. «Дорогой, куда ты едешь?» – точно всплывают в памяти девушек последние фразы, которыми они обменялись с возлюбленными. Так тексты песен разных лет, талантливо аранжированные Олегом Синкиным, складываются в единую судьбу тысяч женщин.

«Ах, война, что ж ты, подлая, сделала: вместо свадеб – разлуки и дым...» И вдруг зритель слышит мерные звуки шагов, всё сильнее, всё мощнее, всё безнадежнее. Они уходят. Конечно, они «постараются вернуться назад», но сейчас, вот прямо сию минуту – они уходят, уходят, уходят. Отчаянные удары девичьих рук звучат, как шаги удаляющегося строя мальчишек. И «ушли за солдатом солдат...» Шаги затихают, словно редуют полки мальчиков, ушедших на фронт. Невесты, точно белые голубки, поднимаются с мест и напрасно ищут глазами во тьме родные лица. Их больше нет.

Со свадебного стола срывают белую скатерть. Под ней чернеет земля – та самая, которую пришлось возделывать женщинам в тылу, та самая, по которой ушли на фронт «мальчики» и в которой они остались навсегда. Теперь этот стол – длинная, бесконечная дорога войны.

Прямо на землю поющие ставят стопки – но они пока что пусты. Это не поминовение, не поминки, нет: в их сердцах еще теплится надежда на то, что их «мальчики» живы, что они вот-вот придут и сядут за стол... Вот только стулья, которые девушки поставили рядом с собой, остаются пустыми. Невесты одна за другой снимают фату, нарядные шляпки и замирают в тоске и скорби. Теперь их белоснежные платица всё больше напоминают, что белый цвет на Руси издавна был не только цветом чистоты, но и знаком печали...

Из темноты доносится гулким эхом голос Елены Антоновны Камбуровой. Сцену окутывает туман, но уже не тот, что застилал уходящие в даль корабли и плыл над рекой, а тот, что накрыл собой бездыханные тела погибших солдат. Из этого тумана появляется и она сама – женщина в черном, скорбная, величественная и прекрасная. Может быть, это Мать, которая «сыночка ждет», но вот дождется ли? Гениальный ход режиссера-постановщика связывает образы из песен, звучавших в начале спектакля, и из песни «Эх, дороги» А. Новикова и Л. Ошанина. Это не просто пение, а отчаянный зов самой Земли, уставшей от разрывающих ее чрево снарядов и

скорбящей по нескончаемым полкам, уходящим в небо. «Выстрел грянет», – и сердце вздрагивает, словно пробитое пулей. Голос Елены Антоновны напоминает ветер, несущийся над тем самым степным бурьяном.

Девушки набрасывают на хрупкие плечи белые тонкие шали. Свет гаснет, воем холодный ветер, призрачные ткани дрожат, словно крылья: ангелы поют «Балладу о военных летчицах» (Е. Крылатов, Е. Евтушенко):

Когда вы песни на земле поете
Тихонечко вам небо подпоет,
Погибшие за Родину в полете –
Мы вечно продолжаем наш полет...

Голоса гаснут, и сцену вновь окутывает тьма. Из ниоткуда доносится всё тот же мужской голос, читающий письма с фронта. И оттого, что эти письма – подлинные, холодеет сердце. *«21 октября 1941 года... 28 октября... Полночь. Трупный смрад...»* В воображении одна за другой вырисовываются пугающие картины. «Хороший мальчик» глядит страдальчески своим единственным глазом, его живот разорван осколком... Не тот ли это ребенок, которому пела колыбельную мама еще совсем недавно? «Спи, мой хороший, забавный...»

Во мраке вырисовывается силуэт девушки. Из земли она только что извлекла... мужские часы. Она надевает их себе на руку, вслушивается в биение часов, как вслушиваются в стук дорогого сердца. Может быть, это теперь единственная память об ее ушедшем возлюбленном...? Девушка поднимается и бредет в темноте, то исчезая, то вновь появляясь в призрачном свете. «Опустела без тебя земля. Если можешь, прилетай скорей...» – поет она со скорбью и нежностью, особенно выделяя последнее слово. Ее душа разрывается от долгой разлуки. Девушка умолкает и растворяется в темноте, как зыбкий мираж.

Тишину нарушают звуки гармони. Гулкий голос заводит частушки о войне и смерти. «Да полно, уместно ли это?» - думает ошеломленный зритель. А в неистовом танце уже кружится молодая женщина, плечи

которой покрыты красным цветастым платком. И мы понимаем: это – танец отчаяния, когда сил уже не остается, а надо ждать и верить. Это смех сквозь слезы, смех страшнее слез...

Танец женщины прерывается. Она остается наедине со своим личным горем... «Неужели доченькам платки суждено повязывать по-вдовьи?» – задает поющая страшный вопрос и замешивает, словно тесто, сырую землю. В ее образе отражены судьбы тысяч женщин, потерявших своих мужей из-за войны. Не чокаясь с подругой, она пьет за упокой души любимого и проливает часть вина из стопки на землю, чтобы тот, кто покоится в ней, почувствовал, что его не забыли. А надежда в ее душе угасает совсем.

Действие переносится на высоту. На давно опустевшем балконе в холодном свете прожекторов появляется другая девушка. «Сна не зная до рассвета», она поет о разлуке. Внизу, на земле, танцуют «белые сестры».

В темноте дрожат струны гитары. И снова пронзительный голос Елены Антоновны Камбуровой разрывает тишину. Она исполняет «Простите пехоте» Булата Окуджавы. За что прощать пехоту – ту самую пехоту, которая встречает врага лицом к лицу? В чем ее «неразумность»? Горькая ирония постепенно наполняется болью утрат. Как страшно, как несправедливо погибнуть в самом цветущем возрасте, да еще «когда над землю бушует весна». Такова неумолимая, жестокая правда войны...

На сырой земле лежат солдатские сапоги. Использование этой детали позволяет прочувствовать всю глубину трагедии: «Куда же исчезли те, кто ступал в них по пыльным дорогам? Где они все?» – задается вопросом зритель.

Из темноты проступают очертания подвенечного платья, вновь переплетаются воедино две песни. Пехоту ищут и ждут:

Если где-то в чужой незнакомой ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю,
Не таись, не молчи, до меня докричи –
Я твой голос услышу, узнаю.

По сырой земле идет молодая женщина, поднимает сапоги, прижимает их к сердцу, как нерожденных детей, и опускается на колени в скорби. В ее руках сапоги. Его...

Тишину вновь разрывают звуки частушек. Их показная веселость звучит как жестокая ирония над человеческим горем. Комично, нелепо проходит девушка с аккордеоном по той же дороге, по которой прошла пехота. Но страшное зрелище заставляет частушки умолкнуть. И вот уже восемь невест прижимают к груди сапоги не вернувшихся домой солдат...

Удивительно, как одной-единственной песней в спектакле изображена трагедия Холокоста. Текст на идише, исполненный вместе с хорошо знакомыми русскими песнями, напоминает, что война принесла страшное горе ВСЕМ народам, всему человечеству. Теперь актрисы в белых платьицах, сидящие за столом, – милые, послушные девочки-школьницы, они слушают добрую учительницу (Е.Камбурова) и изучают буквы родного языка. Еврейская народная песня «Der alef-beis» в русском переводе имеет такие строки: «А когда вы, дети, станете большими, взрослыми совсем, сколько в буквах горя, сколько в буквах слез, вы поймете все...» Многие из этих детей не успеют стать взрослыми. Пение девушек напоминает крики перепуганных птиц над разоренными хищником гнездами. Свет переходит с одного лица на другое, а затем вовсе гаснет.

Воет ветер. Во мраке вырисовываются сначала белые платочки, потом загорается свет, озаряя лица поющих. Две народные песни переплетаются воедино в одном-единственном голосе горя. Хрупкие мотыльки, как души погибших воинов, парят над девушками. Поющие уносят белую скатерть, которая теперь напоминает саван, и снимают платки. В следующей песне слышится тот страшный вопрос, с которым женщины жили все эти годы:

«Где те, кого мы потеряли на всю оставшуюся жизнь?»

Ответом служит ряд из восьми могил, на каждой из которых трепещет белый, как сами девушки, цветок...

Поразительна эта сценографическая находка Ивана Поповски. Длинный, составленный из нескольких, стол, из свадебного превратившийся в поминальный, ставший нескончаемой дорогой – дорогой войны, затем раздвигается, и эти небольшие, засыпанные землей столики, так ясно напоминающие свежие могилы, стоят теперь рядом. На них нет ни табличек, ни надгробий – здесь только Неизвестные Солдаты. Эта метафора, на мой взгляд, ключ ко всему спектаклю. Трансформация свадебного стола в поминальный, а фронтовой дороги – в могильные холмы как бы визуализирует **Реквием**, который проникновенно и трепетно поют актрисы.

Реквием? Да. Но какой! И снова удивительное сценическое решение, на этот раз – музыкальное (авторы его, как и всего музыкального оформления спектакля, – Олег Синкин и Александр Марченко).

Актрисы вновь поднимаются на балкон. Светло, радостно, звонко льется песня «Там, где была война» (В. Дмитриев, А. Ольгин). Это гимн миру, жизни, добру, любви. Это – **Победа**. Но в аккорды этой песни органично вплетаются новые, и вот уже откуда-то из поднебесья звучит такая знакомая всем мелодия: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» (В. Соловьёв-Седой). В стихах А. Фатьянова, написанных в 1942-м и ставших песней в 1944-м году, лирический герой просит звонкоголосых птиц не тревожить солдат, ненадолго уснувших после трудного, кровопролитного боя, ведь завтра им снова предстоит сражение: «уж так назначено судьбой...»

В интерпретации театра текст песни в чудесном многоголосии высоких женских голосов приобретает новое прочтение, новую глубину. Это – **Реквием**. Спят вечным сном бойцы Великой Отечественной, известные и неизвестные солдаты, ценою собственных коротких жизней завоевавшие нашу Победу над фашизмом. Не случайно последнюю фразу песни произносит именно Елена Камбурова. Ведь это ее глубокий, проникновенный голос возвестил в спектакле о начале войны «Старинной солдатской песней» Б.Окуджавы. «Спите себе, братцы...» - прозвучало тогда. «Пусть ребята немного поспят...» – звучит в финале. Именно так – не

«солдаты», а «ребята», как и было в первоисточнике у автора стихов. *Ребята* – значит, чьи-то сыновья, братья, любимые, женихи, мужья, отцы... *Солдатами* они стали лишь на войне.

Не успевают замолкнуть последний аккорд песни, как зрительный зал буквально переполняется соловьиными трелями, шелканьем, свистом. Соловьи поют, и это – лучшая песнь о Победе жизни над смертью. «Пусть звучат живые голоса птиц, пусть торжествует жизнь, пусть никогда не повторится ужас войны!» – словно говорят нам авторы спектакля. Нет, соловьи не тревожат уснувших солдат – соловьи тревожат нас, сегодняшних зрителей, чтобы не «уснули» наши сердца.

В спектакле используется минимум декораций, что позволяет сосредоточиться на самом действии. Все строится преимущественно на контрасте двух цветов – черного и белого, поэтому появление красного в образах рябин и в такой детали костюма, как вдовий платок на одной из актрис – алый, точно от крови – становится ярким акцентом. Так же воспринимается и алый шарф на черном одеянии Елены Камбуровой.

Необычна работа со светом. Зал и сцена то погружаются в полную темноту, то освещаются. В основном лучи прожекторов выхватывают только фигуры актрис, и это снова контраст черного и белого, борьба Света и Тьмы.

Все эти приемы сценографии позволяют произвести на зрителя наиболее сильное впечатление и передать замысел авторов – Ивана Поповски, Елены Камбуровой, Олега Синкина.

Силу эмоционального воздействия спектакля «Победа. Реквием» трудно переоценить. Главное – он сохраняет в памяти поколений Великие тексты о Великой войне!